

ИСТОРИЯ



Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2020), 5–20
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2020), 5–20
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-5–20

ВООРУЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ IV–VI вв. н.э. (по материалам курганов с «усами»)

И.В. Грудочко

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
grudochkoivan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексу вооружения кочевников эпохи Великого переселения народов (IV–VI вв. н.э.) урало-казахстанских степей. В этот период происходят этнокультурные изменения, связанные с прекращением существования гунно-сарматской (позднесарматской) культуры и появлением нового типа памятников – курганов с «усами». Особенно хорошо эти изменения прослеживаются по распространению новых форм вооружения, которые демонстрируют находки из курганов с «усами» – Солончанка I, Султантемировский, Городищенское IX, Ижевский-2, Атасу-2, Коктал, Зевакино.

Комплекс вооружения этого времени представлен оружием дальнего боя (наконечники стрел, сложносоставные луки, стрелковые пояса) и ближнего боя (наконечники копий, кинжал и меч). Наконечники стрел, в большинстве случаев трехлопастные ромбовидные черешковые, получают распространение в гуннскую эпоху Евразии. Новационным можно считать сложносоставной лук и стрелковые пояса с пряжкой в виде «колчанного крюка». Наряду с этим в ближнем бою используется однолезвийное оружие: кинжал и меч (палаш?). Аналогии большинству предметов обнаруживаются в районах Южной Сибири и Центральной Азии (кокэльская, булан-кобинская культуры) первой половины I тыс. н.э. Распространение этого комплекса вооружения на запад происходит в конце IV–V вв. н.э. в результате миграции кочевников с востока и фиксируется по ряду памятников гуннского круга (Мертвые Соли, Кызыл-Адыр, Усть-Альма, Новогригорьевка, Макартет, Кубей

Данные об авторе: Грудочко Иван Валерьевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Истоки формирования культуры древних венгров. Археологический палеоантропологический и палеогенетический аспект исследования средневековых памятников Южного Урала и Западной Сибири» (№ 18-59-23002).

и др.), а в урало-казахстанских степях – по курганам с «усами». Исходной территорией новых мигрантов, вероятней всего, является Джунгарская равнина.

Ключевые слова: средневековая археология, Великое переселение народов, курганы с «усами», вооружение, наконечники стрел, колчаный крюк, миграции

Эпоха поздней древности и Великого переселения народов в урало-казахстанских степях отмечена переменами этнокультурного характера, который можно обозначить как переход от позднесарматской к раннетюркской доминанте. Археологически это хорошо иллюстрируется исчезновением памятников позднесарматской культуры и появлением в III–IV вв. н.э. нового типа памятников – курганов с «усами». Находки из последних позволяют проследить новации в материальной культуре, особенно в предметах вооружения, которым посвящена данная статья.

Предметы вооружения являются одной из важнейших составляющих материальной культуры кочевников. Материалы из курганов с «усами» позволяют выделить наступательное оружие дальнего боя (лук, стрелы) и ближнего боя (кинжал, меч и копья). Наиболее многочисленную группу составляют наконечники стрел.

Наконечники стрел (91 экз.). Они неравномерно распределены в комплексах: Солончанка I (48 экз.), Султантемировский (21 экз.), Унирек (10 экз.), Зевакино, курган 1 (3 экз.), Городищенское IX (2 экз.), Коктал (2 экз.), Ижевский-2 (1 экз.), Атасу-2 (4 экз.) (рис. 1)¹. Все наконечники стрел изготовлены из железа, по способу насада на древко – черешковые. По сечению пера выделяются 2 группы: количественно преобладает группа трехлопастных наконечников, которым заметно уступает группа плоских.

Трехлопастные наконечники (89 экз.) имеют ромбическую форму, среди которых можно выделить симметричные и асимметричные. Симметричные наконечники характеризуются боевой головкой, верхняя и нижняя части которой равны по величине (Солончанка I, Султантемировский, Ижевский, Унирек). По номенклатуре И.П. Засецкой они относятся к типу 1². У асимметричных наконечников верхняя часть боевой головки короче (Султантемировский) либо длиннее нижней (Коктал) (типы 2 и 3 по И.П. Засецкой, соответственно).

Наконечники стрел из комплексов Султантемировский, Городищенский IX, Ижевский-2 и Унирек снабжались уступом при переходе от головки к черешку (рис. 1, 32–34, 41–43, 47, 49–51). Длина боевой головки у них составляет около 3 см. Наконечники, для которых отмечено отсутствие уступа и плавный переход от черешка к боевой головке, имели большую длину последней: в Солончанка I – 4,2–4,6 см, в Коктале – около 4 см (рис. 1, 1–31, 35, 36). Общая же длина наконечников примерно одинакова: в Султантемирове она не превышала 6,5 см, а из Солончанки I – 6,0–6,7 см. Несколько удлиненный черешок имел наконечник из кургана 2 комплекса Ижевский. В кургане 1 Зевакинского могильника обнаружен «трехлопастной, с округлым в сечении черешком» (рис. 1, 46) наконечник³. К со-

¹ Любчанский, Таиров 1999; Сунгатов, 2003; Курманкулов, Утубаев, Касенова 2018; Арсланова 1975; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006; Кадырбаев 1959; Бейсенов, Торгоев, Дуйсенбай, Ахияров 2018.

² Засецкая 1983, 70.

³ Арсланова 1975, 124.

жалению, в публикации не приведены размеры, но автор исследования отмечает, что он «необычно крупный для того времени» и указывает на аналогии из Кокэля и погребения в городище Актобе 2.

Плоские наконечники стрел представлены в двух экземплярах. Один из них (Городищенское IX) (рис. 1, 33) близок к типу 10 И.П. Засецкой: боевая головка имеет преломление в первой трети его длины (верхняя часть боевой головки короче нижней) и вертикальное ребро, проходящее по центру боевой головки. Форма наконечника из кургана 1 Зевакино тоже ромбическая (рис. 1, 44), однако иные детали (ввиду плохой сохранности) здесь проследить сложно.

Таким образом, наиболее представительными для курганов с «усами» являются железные черешковые трехлопастные ромбические наконечники стрел. Другая форма (с плоской в сечении боевой головкой) встречена всего в двух экземплярах. Попробуем проанализировать состав колчанов и соотношение типов наконечников, которые в них присутствуют.

В северном кургане комплекса Солончанка I обнаружено скопление лежащих в беспорядке 23 наконечников стрел, а в непосредственной близости – бронзовая обкладка дна или горловины колчана⁴. В южном кургане того же комплекса обнаружено 25 наконечников, локализующихся по двум скоплениям. Они также лежали в беспорядке, вблизи были обнаружены обкладки колчана⁵. В могильной яме султантемировского комплекса расчищено скопление из 21 наконечника стрел, колчанного крюка, удила и железного стержня⁶. В отличие от солончанского комплекса, они лежали довольно в компактном виде (что свидетельствует об обрядовых различиях), поэтому полная сохранность комплекта не вызывает сомнения. Указанные два набора составляли однотипные ромбические наконечники стрел, насчитывающие более 20 экземпляров в каждом.

Другая комплектность наблюдается в Зевакино (курган 1, могильная яма), где лежало три наконечника стрел. От одного из них, по словам автора исследования, сохранился лишь черешок⁷. Однако во встреченных нами публикациях он реконструировался либо заостренным⁸, либо заостренным без черешка⁹. Обращает на себя внимание и сравнительно длинный размер, что дает основания предполагать также пулевидную форму боевой головки. Два других наконечника имели трехлопастную и плоскую в сечении формы.

В Городищенском IX обнаружено два наконечника стрел (рис. 1, 32, 33), один из которых плоский, другой трехлопастной. Ассортимент близок комплекту из Зевакино, однако, в отличие от последнего, он вряд ли демонстрирует реальное содержание колчанного набора. Возможно, здесь мы имеем дело с определенной нормой обряда, при которой «захоронение» небольшого количества стрел было достаточным. Видимо, подобную ситуацию можно наблюдать в комплексах Ижевский-2, Коктал и Атасу-2, где обнаружено всего по несколько наконечников.

⁴ Любчанский, Таиров 1999, 13, 44, 45, рис. 11, 12.

⁵ Любчанский, Таиров 1999, 9, 39, рис. 6.

⁶ Сунгатов 2003, 217.

⁷ Арсланова 1975, 118.

⁸ Арсланова 1975, 123, табл. I, 9.

⁹ Вона 1991, 16.

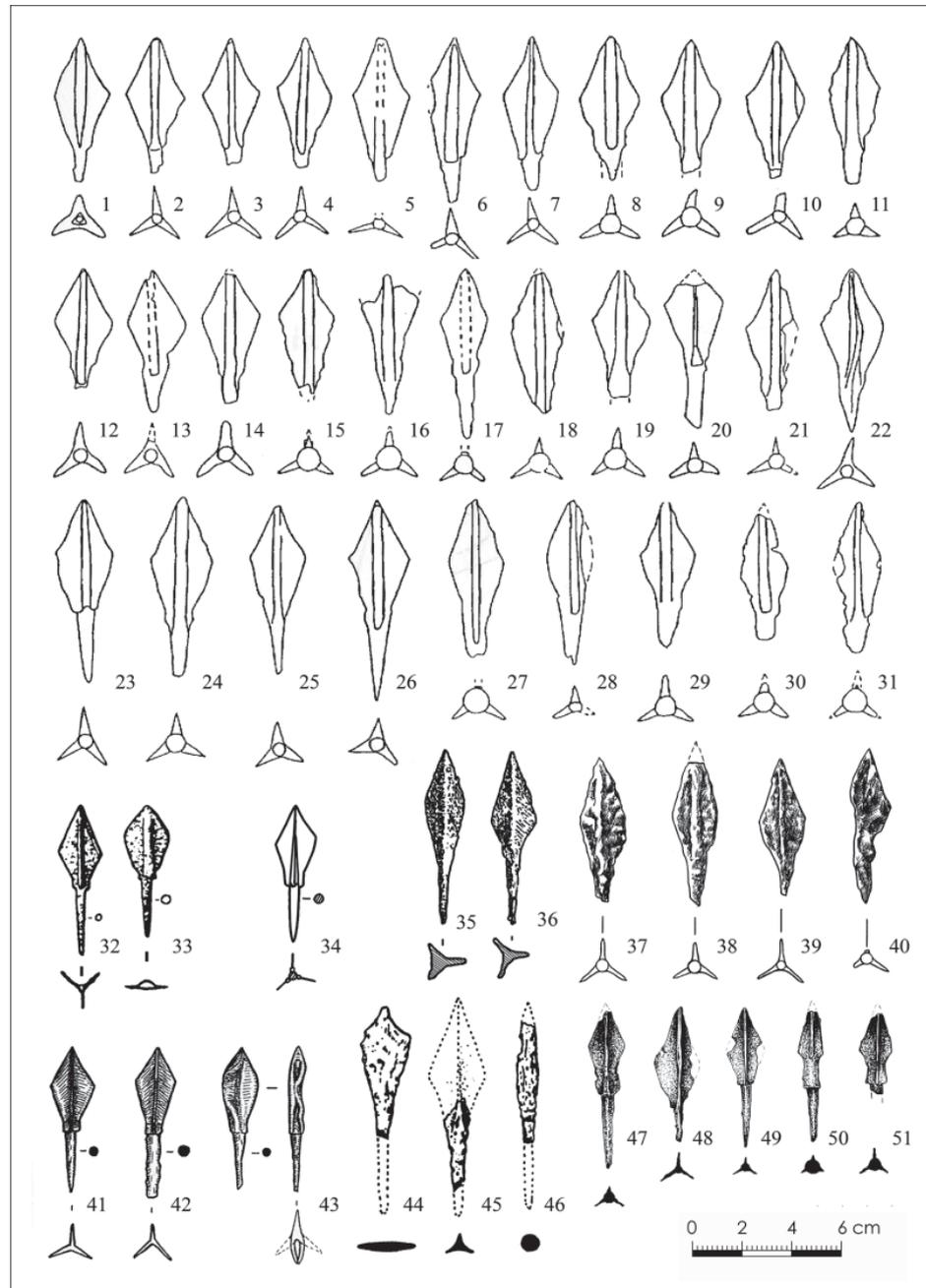


Рис. 1. Наконечники стрел из курганов с «усами». 1–31 – Солончанка I; 32, 33 – Городищенское IX; 34 – Ижевский-2; 35, 36 – Коктал; 37–40 – Атасу-2; 41–43 – Султантемировский; 44–46 – Зевакино; 47–51 – Унирек
 Fig. 1. Arrowheads from the kurgans with “mustache”. 1–31 – Solonchanka I; 32, 33 – Gorodishchenskoe IX; 34 – Izhevskiy-2; 35, 36 – Koktal; 37–40 – Atasu-2; 41–43 – Sultantemirowskiy; 44–46 – Zevakino; 47–51 – Unirek

Круг аналогий железных наконечников связан главным образом со степными памятниками гуннской эпохи. В Южном Приуралье трехлопастные ромбические наконечники обнаружены в комплекте случайных находок у с. Ново-Успеновка¹⁰, в пещерном погребении Кызыл-Адыр¹¹, в кургане 1 на горе Мертвые Соли¹². В Самарском Заволжье и Нижнем Поволжье они известны в разрушенном погребении у с. Федоровка, кургане 4 (погребение 2) у с. Владимирское, кургане 3 у ст. Шипово, кургане 17 у г. Покровска, кургане 42 у с. Ровное¹³. Далее на западе они встречены в комплексах Новогригорьевка (курганы VIII, IX), Новая Маячка, Макартет, Усть-Альма¹⁴. В кургане 18 у г. Покровска обнаружен плоский ромбический наконечник, по размерам и форме похожий на наконечник из Городищенского IX, но без вертикального ребра на головке. Разнообразен ассортимент стрел из погребения у оз. Борового, включающий трехгранные, трехлопастные и ромбический в сечении наконечники¹⁵.

В перечисленных памятниках наблюдается такое же, как и в курганах с «усами», неравномерное распределение типов наконечников стрел: наиболее многочисленную группу составляют ромбовидные наконечники типа I (по И.П. Засецкой). Если для Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья наблюдается однообразие форм, то комплексы из Приуралья и Заволжья отличаются заметным разнообразием состава наконечников¹⁶. Так, в погребении Кызыл-Адыр из 14 экземпляров 5 составляли наконечники с ромбической боевой головкой типа I (по И.П. Засецкой), другие – с ассиметричной, ярусной, трапециевидной, лавролистной формой и трехгранной в сечении боевой головкой. Во Владимирском погребении из 7 наконечников 6 трехлопастных и один плоский, с вертикальным ребром¹⁷. Последний обнаруживает близость наконечнику из кургана с «усами» Городищенское IX.

Сравнительно недавно круг аналогий наконечникам стрел пополнился благодаря введению в научный оборот двух комплексов. Один из них обнаружен в Притоболье на могильнике эпохи бронзы Халвай III. Предметный комплекс включал колчан, состоящий из не менее восьми стрел. Шесть наконечников трехлопастные с ромбической формой боевой головки и один плоский. Интерес вызывает и состав сопроводительного инвентаря – остатки сложносоставного лука и костяная подпружная пряжка, безусловно, сближающий их с материальной культурой кочевников гуннского времени¹⁸. Другой комплекс открыт в могильнике Назар 2 Центрального Казахстана. Впускное женское захоронение сопровождал набор из 13–14 стрел с ромбовидными наконечниками, который может быть датирован той же гуннской эпохой¹⁹.

¹⁰ Засецкая 1994, табл. 42, 10–11.

¹¹ Засецкая 1994, табл. 37, 1–6.

¹² Нефедов 1899, 10, 38, табл. 3, 4–6.

¹³ Засецкая 1994, 181, 184, 186–190, табл. 29, 2, 3; 31, 2, 3; 34; 35, 1–3; 41, 3.

¹⁴ Засецкая 1994, 163–165, 167, 168, табл. 3, 2–6; 5, 3–7; 9, 8; Комар 2013, 96, рис. 6, 2–5; Пуздровский, Зайцев, Неневоля 1999, 200, 202, рис. 5.

¹⁵ Бернштам 1951, 222–223, рис. 11.

¹⁶ Засецкая 1994, 38.

¹⁷ Засецкая 1983, 73; Засецкая 1994, 38.

¹⁸ Шевнина, Логвин 2015, 153, рис. 110, 4–11.

¹⁹ Бейсенов, Китов 2013, 462.

Представительная серия трехлопастных наконечников известна по памятникам джетыясарской культуры низовий Сыр-Дарьи: могильники Алтынасар 4б (№ 86 – здесь и далее номер кургана), Алтынасар 4д (№ 159, 160), Алтынасар 4к (№ 240), Алтынасар 4л (№ 238, 240, 356), Алтынасар 4т (№ 480)²⁰; некрополей Южного Казахстана: Коныртобе (погребения 7, 23), Тулебайтобе, курган 1, Тулебайтобе 2, курган 18. Некрополь городища Сидак (склеп 1, возможно, склепы 3, 6)²¹, Султанрабат (курган 2)²². В воинском захоронении Кызыл-Кайнар-Тобе на Среднем Таласе колчан насчитывал 8 однотипных (трехлопастных, ромбических) наконечников стрел²³.

Происхождение ромбовидных наконечников традиционно обычно связывают с регионами Центральной Азии (Западной Монголией, Южным Забайкальем, Тувой, Алтаем) на рубеже эр. На западе, в гунно-сарматских, позднесарматских памятниках II–IV вв. они не встречаются: в это время наиболее распространены были костяные наконечники или железные трехлопастные наконечники с прямо или под углом срезанными нижними концами лопастей. Ромбовидные формы получают наиболее массовое распространение на западе во второй половине IV–V вв. (Солончанка I, Султантемировский, Кызыл-Адыр, Покровск, Владимирское, Кубей, Новогригорьевка, Усть-Альма и др.) в связи с миграцией новых кочевников с востока. Так же широко эти наконечники представлены в комплексах джетыясарской культуры V – начала VI вв.²⁴

Колчаные крюки (2 экз.) обнаружены в комплексах Султантемировский и Унирек (рис. 2, 4, 5). Длина первого крюка составляет 6,5 см. Он представляет собой основание в виде слабо изогнутого стержня, резко загнутый язычок, оканчивающийся Т-образной поперечной планкой и щиток в виде сомкнутой петли. Планка раздвоена так, что выглядит как v-образная, однако в целом она прямая. Второй крюк, длиной 6,2 см, аналогичной формы, но худшей сохранности: утрачены часть основания и планки. Функционально эти предметы выполняли роль пряжки стрелкового пояса²⁵.

Ближайшие аналогии происходят из пещерного погребения Кызыл-Адыр и из кургана 3 на горе Мертвые Соли (Южное Приуралье)²⁶. На западе, в Северном Причерноморье, подобные крюки найдены в комплексах Кубей (курган 8, погребение 2) и могиле VIII Новогригорьевки²⁷. Интересно, что Кубей и Мертвые Соли объединяет редкая для степных памятников гуннского времени восточная ориентировка погребенных. В Южном Казахстане колчаные крюки встречены в одном из склепов Борижарского могильника²⁸ и погребении Актобе²⁹.

²⁰ Левина 1996, 199, 287, рис. 92, 19, 21, 35, 37, 44, 46, 47, 50, 51, 56–68.

²¹ Байпаков, Смагулов, Ержигитова 2005, 14, 19, 93, 130–132, рис. 1.6, 1, 2; 1.16, 4, 5; 2.21, 8, 9, 21; 3.24, 16; 3.25, 6; 3.27, 1.

²² Подушкин 2000, 66–67.

²³ Мершиев 1970, 89, 90, рис. 7, 7.

²⁴ Засецкая 1983, 82; Левина 1996, 199; Любчанский, Таиров 1999, 23; Боталов, Таиров, Любчанский 2006, 110–111; Боталов 2008, 223.

²⁵ Кубарев 2005, 92–98; Vona 1991, 21, abb. 5.

²⁶ Засецкая 1994, 188, табл. 37, 21; Нефедов 1899, табл. 3, 15.

²⁷ Засецкая 1994 табл. 5, 12; 46, 19.

²⁸ Байпаков, Смагулов, Ержигитова 2005, 124, рис. 3.20, 20.

²⁹ Максимова, Мершиев, Вайнберг, Левина 1968, 75–76, рис. 32, 13.

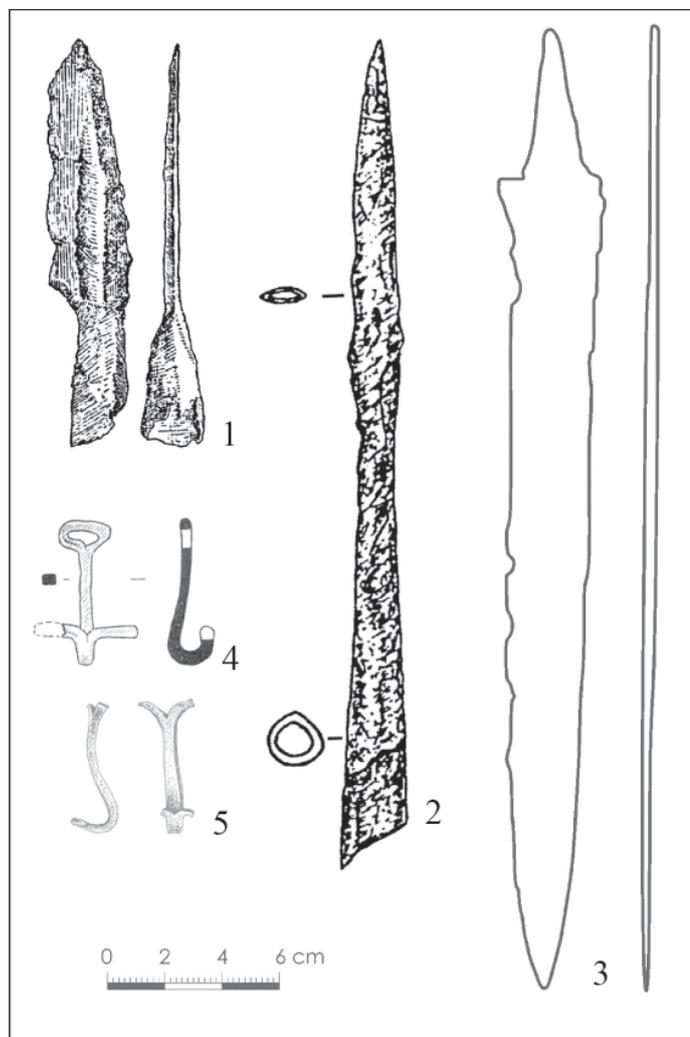


Рис. 2. Предметы вооружения из курганов с «усами». 1 – Коктал; 2 – Нижнедавлетовский; 3 – Назар; 4 – Султантемировский; 4 – Унирек

Fig. 2. Weapons from the kurgans with “mustache”. 1 – Koktal; 2 – Nizhnedavletovskiy; 3 – Nazar; 4 – Sultantemirovskiy; 4 – Unirek

В большинстве же такие крюки обнаружены на востоке, в некрополях булан-кобинской культуры Алтая (Кок-Паш, Верх-Уймон, Булан-Кобы IV, Дялян), в кокельском ритуальном комплексе из Бай-Тайги в Туве, в дуройских и бурхотуйских погребениях Восточного Забайкалья, в кенкольских комплексах Тянь-Шаня³⁰. При этом существует два региона их наибольшего распространения – Алтай и Восточное Забайкалье. По данным С.С. Матренина, среди колчаных крюков с планкой количественно преобладают экземпляры со щитком в виде замкнутой петли.

³⁰ Грач 1966, 104, рис. 30, 1; Сорокин 1977, 63, рис. 6, 5; Васютин, Елин 1987, 87, 88, рис. 1, 25; 2, 42; Кожомбердиев, Худяков 1987, 80, рис. 2, 10, 11; Матренин 2011, 146.

Период их бытования приходится на 2-ю четверть I тыс. н.э., а период активного использования – IV–V вв.³¹ Именно эта форма в V в. проникает на запад в Приуралье (Кызыл-Адыр, Султантемировский, Мертвые Соли) вплоть до Северного Причерноморья (Кубей, Новогригорьевка). А.А. Тишкин и С.С. Матренин предлагают следующую схему их распространения: из Центральной Азии эта форма проникла в Семиречье и Нижнюю Сырдарью, а затем, в конце IV в., распространилась в Зауралье, Приуралье и Восточной Европе. По их мнению, появление таких колчаных крюков связано «с влиянием материальной культуры позднесяньбийского конгломерата на волне “великого переселения народов”»³². Поздние экземпляры обнаружены в кургане Крохалевка-23 (ранний этап верхнеобской культуры, 2-я половина V – VI в. н.э.) и раннетюркской оградке № 104 комплекса Кудэргэ, относящегося к кызыл-ташскому этапу тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.)³³. Впоследствии поперечная планка вовсе исчезает, что наблюдается, например, в памятниках Среднего Поволжья VII–VIII вв.³⁴

Несмотря всего на два случая находок колчаных крюков из курганов с «усами», они являются весьма показательным хронологическим маркером. Распространившись в степи примерно с конца IV в., эта форма исчезает где-то с VI в. н.э.

Костяные накладки сложносоставного лука обнаружены в комплексах Солончанка I (рис. 3, 9–14) и Зевакино (рис. 3, 1–8).

В Солончанке I накладки представлены большим количеством обожженных фрагментов. Авторы исследования указывают, что достоверно восстанавливается две концевых и две срединных накладки. Другие фрагменты позволяют предположить наличие еще как минимум двух концевых, одной срединной и одной продольной накладок. Концевые накладки прямые, со слегка закругленными краями на конце, с округлой прорезью для тетивы. Лицевая сторона отполирована, по заостренному краю лицевой стороны нанесены насечки в виде елочки. Обратная сторона обработана для крепления к основанию лука на какую-то клеевую основу. Размеры первой накладки – 22,5 x 1,7 см, сохранившейся части второй – 16,5 x 1,5 см. Лишь одна срединная накладка позволяет говорить о форме и размерах. Она имела трапециевидную форму, по длинному краю нанесен ряд насечек. Общая длина, как предполагают авторы исследования, могла составлять 14,5–15 см³⁵.

В кургане 1 комплекса Зевакино комплекса обнаружено 10 накладок. Конструктивно они распределялись следующим образом. На одном конце лука были четыре накладки, две из них короткие с вырезами накладывались на две длинные изогнутые. На противоположном конце две пластины меньшей длины без вырезов, возможно, обломанные. Между ними находилась короткая тыльная пластинка клиновидной формы. Две срединные трапециевидные накладки длинными концами были обращены внутрь, а третья, узкая, прямая, располагалась вдоль короткой стороны парных. Длина зевакинского лука достигала 130 см³⁶.

³¹ Матренин 2011, 148.

³² Тишкин, Матренин 2012, 132.

³³ Матренин 2011, 146; Тишкин, Серегин 2011, 24, 25, рис. 4, 7; Илюшин 2000, 166, рис. II, 6.

³⁴ Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, 119, 120, рис. 26, 20–25.

³⁵ Любчанский, Таиров 1999, 24

³⁶ Арсланова 1975, 124.

Накладки из Зевакино имели нанесенные параллельные надрезы или ромбические штриховки с внутренней и внешней сторон для лучшего крепления (склеивания) с деревянной основой лука. Срединные накладки имели трапециевидную форму с заостренными длинными концами. Общая длина срединной накладки составляет около 14 см, концевых с вырезами – около 4 см, длинных концевых, на которые накладывались предыдущие, – около 16 см³⁷.

Аналогией деталям лука из комплекса Солончанка I является комплект накладок из пещерного погребения Кызыл-Адыр. Еще несколько накладок плохой сохранности происходят из курганов 17, 18 у г. Покровска³⁸. Комплект из семи накладок открыт во впускном погребении Халвай III³⁹.

Отличительной чертой луков гуннского времени является комплектность, включающая семь накладок: две пары концевых боковых и три срединных (две боковые и тыльная)⁴⁰. Концевые накладки по форме прямые или слегка дуговидные. Е.В. Круглов выделяет среди них две группы. Для первой характерно то, что большая часть лицевой поверхности накладок (боковых концевых и срединных) покрывалась мелкими хаотичными нарезками. Кроме того, наблюдается отсутствие достоверных свидетельств использования срединных тыльных пластин для рукоятей. Такие луки известны по памятникам Кызыл-Адыр, Покровск (курган 18 и менее выразительные фрагменты из кургана 17) и Царев. Е.В. Круглов предлагает назвать их «гунно-сарматским» типом. Рукояти второй группы луков, в отличие от первой, более значительны по размерам и снабжены тыльной пластиной. Боковые пластины строго трапециевидной формы. Насечки покрывают боковые грани пластин. Эту группу, экземпляры которой происходят из Усть-Альмы, Вены и др. и имеют аналогии в джетысарских комплексах, в катакомбе 10 Кенкольского могильника⁴¹, Е.В. Круглов именуется «огуро-савирской». Таким образом, материалы Солончанки I и Зевакино могут продемонстрировать две линии развития сложносоставных луков, которые, по определению Е.В. Круглова, можно назвать «гунно-сарматской» и «огуро-савирской». Конструкция луков второй группы обладает технологическими новшествами, неизвестными в предыдущее время⁴². Одним из таковых является наличие клиновидной концевой тыльной пластины на зевакинском луке. Судя по сопроводительному инвентарю, он относится ко второй половине IV–V вв.

Наконечники копий (2 экз.) происходят из комплексов Коктал (северный курган) и Нижне-Давлетовский (рис. 2, 1, 2). Они изготовлены из железа и имеют конусовидную втулку.

Наконечник копья из Коктала имеет длину 16 см при длине пера 11 см. Перо ланцетовидной формы, наибольшая ширина которого составляет 3 см⁴³. Общая длина наконечника копья из Нижнедавлетово составляет 30 см с длиной пера 14 см. Перо уже втулки, наибольшая ширина составляет 2 см.

³⁷ замеры проведены по рисунку публикации: Арсланова 1975, 123, табл. I.

³⁸ Любчанский, Таиров 1999, 25; Засецкая 1994, 187, табл. 36, 2–11.

³⁹ Шевнина, Логвин 2015, 155, рис. 111, 2–5.

⁴⁰ Хазанов 1971, 30; Круглов 2005, 77.

⁴¹ Бернштам 1940, 21, 22, табл. XXVII; Левина 1996, 197, 282–286, рис. 87–91.

⁴² Круглов 2005, 78.

⁴³ Кадырбаев 1959, 90, рис. 3.

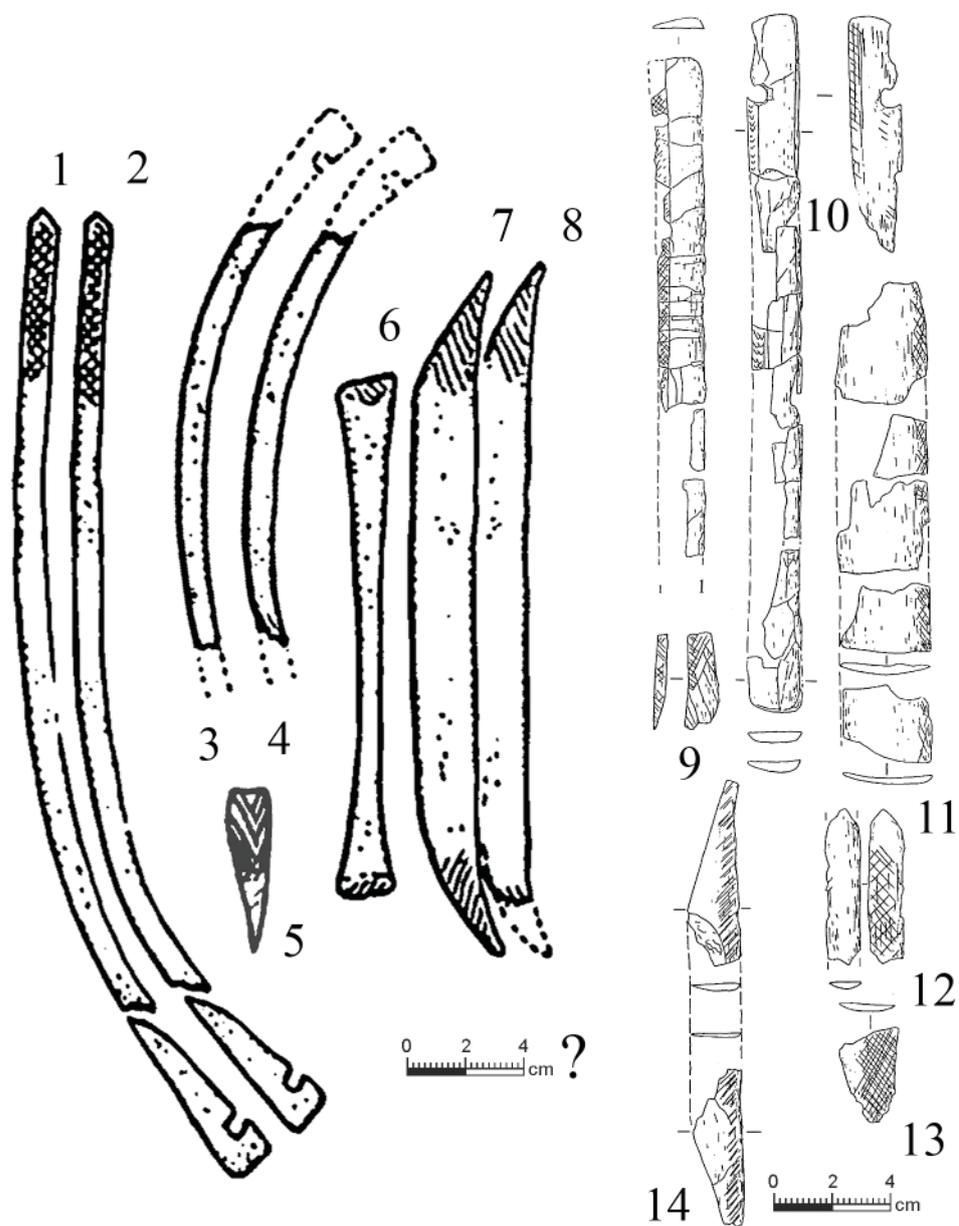


Рис. 3. Костяные накладки сложносоставного лука. 1–8 – Зевакино; 9–13 – Солончанка I
 Fig. 3. Bone details of composite bow. 1–8 – Zevakino; 9–13 – Solonchanka I

Находки наконечников копий довольно редки в степных памятниках вплоть до середины I тыс. н.э. В степных памятниках гуннского времени И.П. Засецкая приводит лишь одно копьё из погребения «Восход»⁴⁴. Еще один фрагмент копья (линзовидной в сечении формы) происходит из коллекции предметов у оз. Боровое⁴⁵. Приведенные экземпляры похожи на наконечник из Коктала. Второе копьё из нижнедавлетовского комплекса тяготеет к кокзельскому комплексу вооружения⁴⁶. Позже, в древнетюркских погребениях, они также редки, тем не менее на их широкое использование во второй половине I тыс. н. э. указывают изобразительные и письменные памятники⁴⁷. В VII–VIII вв. такие копьё известны западней, в новинковских памятниках Самарской Луки⁴⁸.

Клиновое оружие включает находку кинжала (1 экз.) и меча (1 экз.).

Кинжал обнаружен в комплексе Назар (рис. 2, 3). Он изготовлен из железа. Общая длина – 32 см. Треугольный черенок рукояти с незначительным уступом плавно переходит в рукоять. В памятниках гуннского времени известно четыре находки похожих кинжалов: Новогригорьевка (могила VIII), Ровное (курган 42), Кубей (курган 8, погребение 2), Шипово (курган 3)⁴⁹. На Среднем Таласе кинжал аналогичной формы сопровождал богатое воинское захоронение Кызыл-Кайнар-Тобе второй половины IV–V вв.⁵⁰ Подобная форма кинжалов получает распространение не ранее V в. и хорошо прослеживается по памятникам гуннской эпохи⁵¹. Ранее, в гунно-сарматское время, бытовали кинжалы других форм: с прямым перекрестием и круглым навершием, а также биметаллические – без навершия с накладными ручками⁵².

Фрагмент **железного однолезвийного меча** сопровождал погребение из кургана 1 комплекса Зевакино. Имел плоскую рукоятку с плавно переходящим к лезвию уступом. Конец клинка обломан, сохранившаяся часть составляет 34 см. От ножен и рукояти сохранились остатки дерева⁵³.

Однолезвийные мечи, в отличие от ранее известных двулезвийных, получают развитие только в середине I тыс. н.э. Они прослежены по нескольким находкам памятников гуннского круга: Покровск (курган 17), Нижняя Добринка, совхоз Калинин⁵⁴. В Центральном Казахстане однолезвийный меч (с ромбовидным перекрестием) обнаружен в кургане 2 могильника Назар-2⁵⁵. На Алтае однолезвийный меч известен в составе инвентаря богатого захоронения у с. Тугозвозово второй половины IV–V в.⁵⁶

Таким образом, комплекс вооружения представлен стандартными для кочевников категориями: лук, стрелы, оружие ближнего боя. Представленный оружейный

⁴⁴ Засецкая 1994, 35, табл. 32, 2.

⁴⁵ Бернштам 1951, 222, рис. 10.

⁴⁶ Худяков 1986, 81, 82, рис. 32.

⁴⁷ Худяков 1986, 157; Кубарев 2005, 98, 99, 108, рис. 32.

⁴⁸ Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, 113–115, рис. 24, 1–4.

⁴⁹ Засецкая 1994, 34, 35, 165, 181, 193, табл. 5, 2; 29, 1; 41, 1; 46, 18.

⁵⁰ Мерциев 1970, 89, 90, рис. 6.

⁵¹ Засецкая 1994, 35.

⁵² Боталов 2009, 185.

⁵³ Арсланова 1975, 118, 123, табл. I, 13; Vona 1991, 16, 235, abb. 4.

⁵⁴ Засецкая 1994, 33, 34, 177, 182–184, табл. 23, 12; 30, 10; 31, 1.

⁵⁵ Бейсенов, Китов 2013, 463, рис. 1.

⁵⁶ Уманский 1978, 134.

комплекс датируется в основном второй половиной IV–VI вв. н.э. Наиболее многочисленны находки наконечников стрел. Круг аналогий очерчен в основном памятниками гуннского времени Восточной Европы, предтюркского и раннетюркского времени Алтая. Для всех категорий вооружения характерны технологические новации, произошедшие в середине I тыс. н.э. (трехлопастные ромбические наконечники стрел, стрелковые пояса, однолезвийное оружие ближнего боя). Многие элементы вряд ли являются продолжением развития оружейного комплекса предшествующей гунно-сарматской и позднесарматской культуры. Судя по приведенным аналогиям, более вероятно центральноазиатское происхождение данного вооружения, которое было перенесено на запад вместе с мигрантами с востока.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова, Ф.Х. 1975: Курганы «с усами» Восточного Казахстана. В сб.: А.К. Акишев (ред.), *Древности Казахстана*. Алма-Ата, 116–129.
- Багаутдинов, Р.С., Богачев, А.В., Зубов, С.Э. 1998: *Прабоггары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья)*. Самара.
- Байпаков, К.М., Смагулов, Е.А., Ержигитова, А.А. 2005: *Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана*. Алматы.
- Бейсенов, А.З., Китов, Е.П. 2013: Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан). В сб.: С.Г. Боталов (ред.), *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов*. Челябинск, 462–467.
- Бейсенов, А.З., Торгоев, А.И., Дуйсенбай, Д.Б., Ахияров, И.К. 2018: Курган с «усами» Ата-су-2. *Поволжская археология* 3(25), 103–117.
- Бернштам, А.Н. 1940: *Кенкольский могильник* (Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. II). Л.
- Бернштам, А.Н. 1951: Находки у оз. Борового в Казахстане. *Сборник музея антропологии и этнографии XIII*, 216–229.
- Боталов, С.Г. 2008: *Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция)*. Челябинск.
- Боталов, С.Г., Таиров, А.Д., Любчанский, И.Э. 2006: *Курганы с «усами» урало-казахстанских степей*. Челябинск.
- Васютин, А.С. 1987: О хронологических границах Кок-Пашского археологического комплекса из Восточного Алтая. В сб.: А.С. Васютин (ред.), *Проблемы археологических культур степей Евразии*. Кемерово, 85–90.
- Грач, А.Д. 1966: Раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге. В сб.: Л.Т. Потапов (ред.), *ТТКАЭЭ II*, М.–Л., 81–107.
- Засецкая, И.П. 1983: Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV–V вв. н. э.). В сб.: А.С. Скрипкин (ред.), *История и культура сарматов*. Саратов, 70–84.
- Засецкая, И.П. 1994: *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху*. СПб.
- Илюшин, А.М. 2000: Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая. В сб.: В.И. Молодин, Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев (ред.), *Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии*. Новосибирск, 157–169.
- Кадырбаев, М.К. 1959: Исследования кургана с каменными грядами в Джамбульской области. *Вестник Академии наук Казахской ССР* 7(172), 89–97.
- Кожомбердиев, И.К., Худяков, Ю.С. 1987: Комплекс вооружения кенкольского воина. В сб.: В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков (ред.), *Военное дело древнего населения Северной Азии*. Новосибирск, 75–106.

- Комар, А.В. 2013: Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени. В сб.: С.Г. Богалов (ред.), *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр.* Челябинск, 88–109.
- Круглов, Е.В. 2005: Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья. В сб.: А.В. Евглевский (ред.), *Степи Европы в эпоху средневековья 4*. Донецк, 73–142.
- Кубарев, Г.В. 2005: *Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников)*. Новосибирск.
- Левина, Л.М. 1996: *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.* М.
- Любчанский, И.Э., Таиров, А.Д. 1999: Археологические исследования комплекса Курган с «усами» Солончанка I. В сб.: А.Д. Таиров (ред.), *Курган с «усами» Солончанка I*. Челябинск, 5–62.
- Максимова, А.Г., Мерциев, М.С., Вайнберг, Б.И., Левина, Л.М. 1968: *Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища)*. Алма-Ата.
- Матренин, С.С. 2011: Колчанные крюки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.): классификация и типология. *Известия Алтайского государственного университета* 4-2, 141–149.
- Мерциев, М.С. 1970: Поселение Кызыл-Кайнар-Тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века. В сб.: М.К. Кадырбаев (ред.), *По следам древних культур Казахстана*. Алма-Ата, 79–92.
- Подушкин, А.Н. 2000: *Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. – VI в. н. э.* Туркестан.
- Пуздровский, А.Е., Зайцев, Ю.П., Неневоля, И.И. 1999: Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике *Херсонесский сборник X*, 194–207.
- Сорокин, С.С. 1977: Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка. В сб.: Б.Б. Пиотровский (ред.), *Археологический сборник 18*, 57–67.
- Сунгатов, Ф.А. 2003: Султантемировский I курган с «усами». *Уфимский археологический вестник* 4, 216–224.
- Тишкин, А.А., Матренин, С.С. 2012: Колчанные крюки булан-кобинской культуры из памятника Яломан II (Центральный Алтай). *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 7(11), 125–133.
- Уманский, А.П. 1978: Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше. В сб.: В.И. Молодин (ред.), *Древние культуры Алтая и Западной Сибири*. Новосибирск, 129–163.
- Хазанов, А.М. 1971: *Очерки военного дела сарматов*. М.
- Худяков, Ю.С. 1986: *Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск.
- Шевнина, И.В., Логвин, А.В. 2015: *Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане*. Астана.
- Vona, I. 1991: *Das Hunnen-reich*. Budapest.

REFERENCES

- Arslanova, F.H. 1975: Kurgany «s usami» Vostochnogo Kazakhstana [Kurgans “with mustache” in East Kazakhstan]. In: A.K. Akishev (ed.), *Drevnosti Kazakhstana [Antiquities of Kazakhstan]*. Alma-Ata, 116–129.
- Bagautdinov, R.S., Bogachev, A.V., Zubov, S.E. 1998: *Prabolgary na Sredney Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam’ya)* [The Bulgarians of the Middle Volga (at the origins of the history of the Tatars of Volga-Kama)]. Samara.

- Baypakov, K.M., Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A. 2005: *Rannesrednevekovyye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana* [Early medieval necropolis of southern Kazakhstan]. Almaty.
- Bernshtam, A.N. 1940: Kenkol'skiy mogil'nik [Kenkol burial ground]. (*Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Missions of the State Hermitage]. II). Leningrad.
- Bernshtam, A.N. 1951: Nakhodki u oz. Borovogo v Kazakhstane [Finds near lake Borovoe in Kazakhstan]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography] XIII, 216–229.
- Beysenov, A.Z., Torgoev, A.I., Duysenbay, D.B., Akhiyarov, I.K. 2018: Kurgan s «usami» Atasu-2 [Mound with “mustache” Atasu-2]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology] 3(25), 103–117.
- Beysenov, A.Z., Kitov, E.P. 2013: Vpusknoe pogrebenie gunnskogo vremeni iz mogil'nika Nazar-2 (Tsentral'nyy Kazakhstan) [Intake Hun burial time of burial Nazar-2 (Central Kazakhstan)]. In: S.G. Botalov (ed.), *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov: sbornik nauchnykh trutov* [The Huns forum. The problem of origin and identification of the culture of the Eurasian Huns: collection of proceedings]. Chelyabinsk, 462–467.
- Bona, I. 1991: *Das Hunnen-reich*. Budapest.
- Botalov, S.G. 2008: *Gunny i tyurki (istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya)* [Huns and Turks (historical and archaeological reconstruction)]. Chelyabinsk.
- Botalov, S.G., Tairov, A.D., Lyubchanskiy, I.Eh. 2006: *Kurgany s «usami» uralo-kazakhstanskih stepey* [Kurgans with “mustache” of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk.
- Grach, A.D. 1966: Raskopki v Sut-Hole i Bay-Tayge [Excavations in the Soot-Hal and Buy-Taig]. In: L.T. Potapov (ed.), *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of Tuva complex archeological-ethnographic expedition] II, Moscow–Leningrad, 81–107.
- Ilyushin, A.M. 2000: Mogil'nik Kudyrgekh i voprosy drevnetyurkskoy istorii Sayano-Altaya [The burial ground Kudyrgeh and questions of ancient Turkic history of Sayano-Altai]. In: V.I. Molodin, Yu.S. Khudyakov, S.G. Skobelev (eds.), *Pamyatniki drevnetyurkskoy kul'tury v Sayano-Altai i Tsentral'noy Azii* [Archaeological sites of ancient Turkic culture in Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk, 157–169.
- Kadyrbaev, M.K. 1959: Issledovaniya kurgana s kamennymi gryadami v Dzhambul'skoy oblasti [The investigation of the mound with stone ridges in the Zhambyl oblast]. *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoy Sovetskoy sotsialisticheskoy respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh Soviet socialist Republic] 7(172), 89–97.
- Khazanov, A.M. 1971: *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on the military art of the Sarmatians]. Moscow.
- Khudyakov, Yu.S. 1986: *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk.
- Komar, A.V. 2013: Kompleks iz Makarteta i ritual'nye pamyatniki gunnskogo vremeni [Complex from the Macartet and ritual monuments of the Hun time]. In: S.G. Botalov (ed.), *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov: sbornik nauchnykh trudov* [The Huns forum. The problem of origin and identification of the culture of the Eurasian Huns: collection of proceedings]. Chelyabinsk, 88–109.
- Kozhombardiev, I.K., Khudyakov, Yu.S. 1987: Kompleks vooruzheniya kenkol'skogo voina [The complex weapons of Kenkol warrior]. In: V.E. Medvedev, Yu.S. Hudyakov (eds.), *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii* [Military Affairs of the ancient population of North Asia]. Novosibirsk, 75–106.
- Kruglov, E.V. 2005: Slozhnosostavnye luki Vostochnoy Evropy rannego srednevekov'ya [Compound bows of Eastern Europe of the early middle ages]. In: A.V. Evglevskiy (ed.),

- Stepi Evropy v ehpoju srednevekov'ya* [Steppes of Europe in the Middle Ages] 4. Donetsk, 73–142.
- Kubarev, G.V. 2005: *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [The culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary monuments)]. Novosibirsk.
- Levina, L.M. 1996: *Ehtnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e.* [Ethnic and cultural history of Eastern Aral Sea region. I Millennium BC to the I Millennium AD]. Moscow.
- Lyubchanskiy, I.E., Tairov, A.D. 1999: Arkheologicheskie issledovaniya kompleksa Kurgan s «usami» Solonchanka I [Archaeological studies of complex Kurgan with “mustache” Solonchanka I]. In: A.D. Tairov (ed.), *Kurgan s «usami» Solonchanka I* [Kurgan with “mustache” Solonchanka I]. Chelyabinsk, 5–62.
- Maksimova, A.G., Mershchiev, M.S., Vaynberg, B.I., Levina, L.M. 1968: *Drevnosti Chardary (arkheologicheskie issledovaniya v zone Chardarinskogo vodokhranilishcha)* [Antiquities of Chardara (archaeological research in the area of Chardara reservoir)]. Alma-Ata.
- Matrenin, S.S. 2011: Kolchannye kryuki kочевников Altaya hunnusko-syan'biysko-zhuzhanskogo vremeni (II v. do n.e. – V v. n.e.): klassifikatsiya i tipologiya [Quiver hooks of nomads of the Altai from the Hun-Xianbei-Rouran time (the 2nd Century BC to the 5th Century AD)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai state University] 4-2, 141–149.
- Mershchiev, M.S. 1970: Poselenie Kyzyl-Kaynar-Tobe I–IV vekov i zahoroneniye na nem voyna IV–V veka [Settlement of Kyzyl-Kainar-Tobe of the 1st – 4th Centuries AD and the burial of a warrior 4th – 5th Century AD]. In: M.K. Kadyrbaev (ed.), *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana* [In the footsteps of ancient cultures of Kazakhstan]. Alma-Ata, 79–92.
- Podushkin, A.N. 2000: *Arysskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana IV v. do n. e. – VI v. n. e.* [Aryc culture of southern Kazakhstan 4th Century BC – 6th Century AD]. Turkestan.
- Puzdrovskiy, A.E., Zaytsev, Yu.P., Nenevolya, I.I. 1999: Pogrebeniye voyna gunnskogo vremeni na Ust'-Al'minskom mogil'nike [The warrior burial Hun time from the Ust' -Al'ma necropolis]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersoneses Collection] X, 194–207.
- Shevnina, I.V., Logvin, A.V. 2015: *Mogil'nik epokhi bronzy Khalvay III v Severnom Kazakhstane* [Halvai III Necropolis of the Bronze Age in Northern Kazakhstan]. Astana.
- Sorokin, S.S. 1977: Pogrebeniye epokhi Velikogo pereseleniya narodov v rayone Pazyryka [Burial of the era of the Great migration of peoples in the area Pazyryk]. In: B.B. Piotrovskiy (ed.), *Arkheologicheskiy sbornik* [Archaeological Collection] 18, 57–67.
- Sungatov, F.A. 2003: Sultantemirovskiy i kurgan s «usami» [Sultantemirov I Kurgan with “mustache”]. *Ufmskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Bulletin] 4, 216–224.
- Tishkin, A.A., Matrenin, S.S. 2012: Kolchannye kryuki bulan-kobinskoy kul'tury iz pamyatnika Yaloman II (Central'nyj Altaj) [Quiver hooks of the Bulan-Kobin culture of the Yaloman II Site (Tsentrallyy Altay)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya.* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology] 7(11), 125–133.
- Umanskiy, A.P. 1978: Pogrebeniye epokhi «velikogo pereseleniya narodov» na Charyshe [Burial of the era of “great migration” on Charysh]. In: V.I. Molodin (ed.), *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk, 129–163.
- Vasyutin, A.S. 1987: O khronologicheskikh granitsakh Kok-Pashskogo arkheologicheskogo kompleksa iz Vostochnogo Altaya [On the chronological boundaries of the Kok-Pash archaeological complex from the Eastern Altai]. In: A.S. Vasyutin (ed.), *Problemy arkheologicheskikh kul'tur stepey Evrazii* [Problems of archaeological cultures of the steppes of Eurasia]. Kemerovo, 85–90.

- Zasetskaya, I.P. 1983: Klassifikatsiya nakonechnikov strel gunnskoy epokhi (konets IV–V vv. n. e.) [Classification of arrowheads of the Huns era (end of 4th – 5th Centuries AD)]. In: A.S. Skripkin (ed.), *Istoriya i kul'tura sarmatov* [*Sarmatian history and culture*]. Saratov, 70–84.
- Zasetskaya, I.P. 1994: *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu* [*Culture of the nomads of the Southern Russian steppes in the Hun era*]. Saint Petersburg.

ARMAMENT OF THE NOMADS IN THE URAL-KAZAKHSTAN STEPPES
DURING FOURTH TO SIXTH CENTURIES
(based on the kurgans with “moustache” data)

Ivan V. Grudochko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
grudochkoivan@mail.ru

Abstract. The paper concerns an armament of the Nomads during the Great Migration period (the 4th – 6th centuries AD) in the Ural-Kazakhstan steppes. There were ethnic and cultural changes in this period, which were related to the disappearance of the Hunnic-Sarmatian Culture (Late Sarmatian) and arrival of a new type of sites - the kurgans with “moustache”. It can be clearly seen through spreading new forms of armament that were discovered in the kurgans with “moustache” – Solonchanka I, Sultantemirovskiy, Gorodishenskoe IX, Izhevskiy-2, Atasu-2, Koktal, Zevakino.

The armament of this time is represented by long-distance weaponry (arrowheads, composite bows, archery belts with quiver hooks) and weaponry for close combat (spearheads, daggers and swords). The arrowheads – mostly three-blade stemmed rhombus-shaped – were widely spread since the Hunnic epoch in Eurasia. A composite bow and archery belts with a buckle in the form of a quiver hook can be considered as innovation. Along with them, bladed weapons: a dagger and a sword (a broadsword?) were in use. The most of the artefacts has analogies in the Southern Siberia and Central Asia sites in the first half of the first millennium AD (Kokel, Bulan-Kobinskaya cultures). Spreading this complex of armament towards the West took place in the end of the 4th – 5th centuries AD as a result of the nomads migration from the East and it can be traced in some of Hunnic sites (Mertvye Soli, Kyzyl-Adyr, Ust'-Alma, Novogrigor'evka, Makartet, Kubey and so on), and, in the Ural-Kazakhstan steppes – in the kurgans with “moustache”. The initial place of new migrants was, most probably, Dzungarian plain.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Great Migration, kurgan with “moustache”, armament, arrowheads, quiver hook, migrations
